

УДК 94(410)“09/10”

ЖЕНЩИНА КАК ПРАВОНАРУШИТЕЛЬНИЦА В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ X–XI ВЕКОВ

И. И. Болдырева

Болдырева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, boldyrevairi@mail.ru

Статья посвящена изучению женских правонарушений в англосаксонском обществе X–XI вв. Проведенное исследование позволяет выявить перечень и характер проступков, ассоциировавшихся с представительницами «слабого» пола в позднесаксонском социуме, специфику мер взыскания, степень ответственности правонарушительницы за совершенные ею проступки. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью затронутого аспекта правового статуса раннесредневековой женщины. В статье были использованы тексты законов поздних англосаксонских правителей: Этельстана, Этельреда II и Кнута, а также отдельных грамот, сохранивших информацию о правовых случаях с участием представительниц слабого пола как ответчиц.

Автор показывает, что в Англии рассматриваемого периода женщина считалась вполне дееспособным членом общества, несла ответственность за свое поведение и поступки. В правовых памятниках X–XI вв. перечень правонарушений, в которых женщина фигурирует как ответчица, включает как морально-нравственные проступки, так и уголовные преступления: воровство, прелюбодеяние, поспешное вступление вдовы в новый брак, просрочку с выплатой посмертного побора после кончины супруга. Особо тяжким преступлением считалось колдовство. В зависимости от преступления по отношению к правонарушительнице применялись такие меры, как денежное взыскание, конфискация имущества, телесные наказания, смертная казнь. Анализ позднесаксонских законов, осуждающих воровство и прелюбодеяние, подтверждает, что для представителей разных полов наказание за один и тот же проступок и способы приведения приговора в исполнение могли различаться. В частности, законы Этельстана о воровстве позволяют выявить способы казни, традиционные для женщин того времени. Мужская и женская супружеская неверность воспринималась англосаксами как проступки, не одинаковые по характеру и степени тяжести, что обуславливало особую суровость мер по отношению к жене.

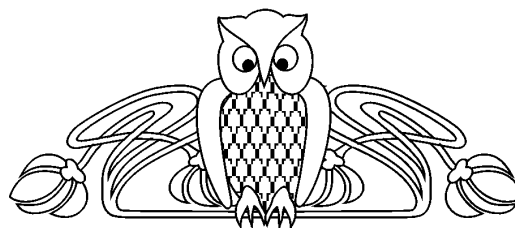
Ключевые слова: женщина в раннее Средневековье, англосаксонское право, правонарушение, законы Этельстана, законодательство Этельреда II, законы Кнута.

Woman as Offender in the Anglo-Saxon Society of X–XI Centuries

I. I. Boldyreva

Irina I. Boldyreva, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>, Voronezh State Medical University, 10, Studencheskaya Str., Voronezh, 394036, Russia, boldyrevairi@mail.ru

The paper examines women's crimes and their representation in X–XI century Anglo-Saxon society. The problem statement is determined

by lack of research works considering this aspect of Old English woman's legal position. Based on the evidence of Late Saxon law codes, issued by Aethelstan, Aethelred II and Cnut as well as some charters that contain information about legal cases with a woman-offender, the current study allows us to draw the list of misdeeds, associated with women, and define the sanctions' specificity and the extent of women's liability to their misdeeds.

It is shown that in Late Saxon England a woman was looked at as a fairly competent member of society, responsible for her behaviour and misdoings. The list of misdeeds, which specially discuss women's legal responsibility, is relatively short and contains criminal offences alongside with those of moral nature. Among these are thefts, adultery, too hasty marriage of a widow, woman's delayed payment of *heriot* following the death of her husband. Engaging in sorcery was considered one of the grievous crimes. Depending on the nature of her misdeed in X–XI century England a woman-offender could be fined, forced to make amends, deprived of her property, committed to corporal punishment or sentenced to death. Legal sanctions and execution of judgment for the same misdeeds could vary based on the offender's gender. Gender specificity of the punishment is most explicitly illustrated by Late Saxon laws against adultery and theft which provide traditional types of death penalty for women and distinguish between sanctions for men's and women's infidelity.

Key words: woman in the early Middle Ages, Anglo-Saxon law, legal offence, laws of Aethelstan, laws of Aethelred II, laws of Cnut.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>

Еще раннее уэссекское законодательство признавало за женщиной роль активного субъекта права, возлагая на нее ответственность за отдельные проступки и предоставляя возможность принесения очистительной присяги. В X–XI вв. законодательные памятники по-прежнему остаются основным источником наших знаний о том, в каких преступлениях могла быть замешана раннесредневековая женщина и какое наказание могло за этим последовать.

По сравнению со своими предшественниками позднесаксонские правители проявляли достаточно интенсивную кодификаторскую активность. С начала X в. до середины XI в. в Англии был составлен целый ряд королевских судебных кодексов. Из них два принадлежат Эдуарду Старшему (899/901–924), шесть приходятся на правление Этельстана (924–939). В разное время по несколько кодексов издают Эдмунд I (939–946), Эдгар (959–975), Этельред II (978–1013 и 1014–1016) и датский завоеватель Англии Кнут (1016–1035).

В позднесаксонском и англо-датском законодательстве представительницы «слабого» пола фигурируют чаще, чем в более ранних судебных кодексах. Однако если учитывать расширение общего

корпуса законодательно-нормативных источников в X–XI вв., это наблюдение окажется весьма относительным. В законодательстве Эдуарда Старшего и Эдгара женщины не упоминаются вообще. В кодексах Этельстана и Эдмунда их упоминания единичны. Лишь шестой кодекс Этельреда II и второй кодекс Кнута демонстрируют некоторую системность организации титулов, освещающих отдельные аспекты правового статуса представительниц ряда социальных категорий. Проблематика этих титулов во многом остается схожей с контекстом, в котором женщины присутствуют в англосаксонском законодательстве предшествующих столетий¹. Главным образом, это статьи, посвященные имущественному и правовому положению вдов, выдачи замуж девиц, проступкам морально-нравственного характера, в том числе оскорблению вдов и монахинь. Реже женщины фигурируют в контексте уголовных правонарушений, примеры чему можно обнаружить в законодательстве Этельстана и Кнута.

Перечень проступков, отдельно оговаривающих ответственность женщины, в памятниках англосаксонского права X–XI вв. весьма невелик. Сюда входят воровство, соучастие в краже, совершенной мужем, колдовство, прелюбодеяние, поспешное вступление вдовы в новый брак.

Одно из первых упоминаний представительниц слабого пола позднесаксонскими правовыми текстами мы находим в четвертом кодексе короля Этельстана. Благодаря предписанию смертной казни за широкий перечень правонарушений законодательство этого правителя снизило репутацию одного из наиболее жестких в раннесредневековый период². Особое внимание в его судебных актах уделяется воровству, которое, по всей видимости, создавало серьезную угрозу общественному порядку. За этот проступок законы Этельстана предусматривали высшую меру наказания вне зависимости от пола и социального статуса провинившегося. Согласно его четвертому кодексу, никто из виновных в воровстве «ни каким образом не считается достойным жизни... будь то свободный или раб, знатный или простолюдин, а если это женщина, будь она госпожа или служанка»³.

Из дальнейшего текста титула следует, что для мужчин и женщин способы приведения приговора в исполнение различались. Не считая необходимым разъяснять, как следовало поступить с представителями «сильного» пола, в отношении воровки, чья вина была доказана, законодательство предписывало совершенно конкретные меры: ее сбрасывали со скалы или топили⁴.

Наиболее распространенной казнью в то время было повешение или отсечение головы, засвидетельствованное археологическим материалом⁵. Отдельные правовые казусы, оставившие след в англосаксонских грамотах середины X в., дают основание предположить, что для женщин утопление являлось традиционным способом

казни, шла ли речь о воровстве или каком-либо другом серьезном проступке. Например, одна из грамот, составленных в правление Эдгара, упоминает вдову – владелицу поместья в Эйлсворте (Нортгемптоншир), сброшенную с лондонского моста по обвинению в чародействе⁶.

Достаточно подробно четвертый кодекс Этельстана описывает способы казни представителей зависимого населения, в том числе женщин, совершивших кражу. Провинившихся рабов побивали камнями, рабыням предстояла смерть через сожжение на костре. Интересно, что и в том и в другом случаях непосредственные исполнители приговора подбирались по социальному и гендерному признакам. Они же должны были компенсировать господину потерю рабочих рук:

«Если раб окажется [вором], пусть придет шестьдесят и двадцать рабов и поьют его камнями. Если кто-либо трижды промахнется, то сам трижды будет высечен.

А когда совершивший кражу раб будет мертв, каждый из этих рабов должен уплатить его господину по три пенса.

Если же служанка-рабыня украдет где-либо помимо своего господина или своей госпожи, пусть придет шестьдесят и двадцать рабынь и каждая принесет по три полена, и сожгут эту рабыню, и соберут столько же пенсов, сколько должны уплатить рабы, либо подвергнуться бичеванию, как сказано о рабах»⁷.

Насколько часто выносились подобные приговоры, сказать сложно. В англосаксонских грамотах и нарративе высшая мера наказания фигурирует всего несколько раз, а прецедент с эйлсвортской вдовой является единственным упоминанием о казни представительницы «слабого» пола в англосаксонский период. Кроме того, позднее законодательство Этельстана демонстрирует смягчение этой нормы, ту же тенденцию сохраняют законы его преемников⁸.

В шестом кодексе Этельстана представительница «слабого» пола появляется еще в одном качестве – как жена человека, казненного за кражу. Этот титул упоминает женщину с целью разъяснить, как надлежало поступить с имуществом осужденного. При условии непричастности к преступлению она получала право на треть состояния мужа, остальные две трети забирали его близкие и король⁹.

В более раннем законодательстве западно-саксонского правителя Ине (688–725), а также во втором кодексе Кнута присутствуют похожие титулы. Однако они имеют другую логическую структуру. В центре их внимания – не проблема раздела имущества, а вопрос о виновности или невиновности жены. Судебник короля Ине упоминает женщину как соучастницу преступления. Чтобы доказать свою невиновность, жена принесшего в дом чужое должна была присягнуть, что не пользовалась украденным. В том же титуле

говорится, что жена была обязана повиноваться супругу¹⁰. Закон был благосклонен к ней, так как полноправной хозяйкой дома она не являлась.

Спустя почти триста лет, в правление короля Кнута, присяги в подобных случаях было недостаточно. У женщины в доме мужа появились помещения, за которые она несла ответственность. Если украденное было обнаружено в сундуках и комнате, от которой она хранила ключи, ее причастность к преступлению считалась доказанной¹¹.

Широко распространенным наказанием за различного рода проступки в англосаксонском обществе была выплата правонарушителем компенсации или штрафа. О том, что в поздний англосаксонский период на представительницу «слабого» пола могли налагаться денежные взыскания, свидетельствует анонимный документ под названием *Be wifmannes beweddunge* (рубеж X–XI вв.). Согласно одному из его титулов, даже замужняя женщина, жившая вдали от родного дома, могла рассчитывать на помощь родственников, если совершала правонарушение и не имела, чем заплатить¹². Характер проступков документ не уточняет, однако, вероятнее всего здесь имеются в виду уголовные или мелкие административные правонарушения. Пример одного из них фигурирует в семьдесят третьем титуле второго кодекса короля Кнута, где говорится о просрочке вдовы с выплатой посмертного побора (*heriot*)¹³. В раннесредневековой Англии *heriot* представлял собой разновидность налога, которым облагались представители знати, составившие завещание. Он выплачивался королю после смерти завещателя и мог включать в себя определенное количество золота, оружия и доспехов¹⁴. Согласно законам Кнута, выплата *heriota* считалась обязанностью вдовы покойного. Если спустя год после смерти мужа она не привозила *heriot* королю, на нее налагался штраф¹⁵.

Особое правонарушение, занимавшее пограничное положение между уголовными преступлениями, такими как воровство и проступками морально-нравственного характера, представляет собой колдовство. Еще в прологе к законам короля Альфреда (рубеж 80–90-х гг. IX в.) говорилось, что женщины, имеющие обычай принимать у себя заклинателей и ворожей, не заслуживают права на жизнь¹⁶. Очевидно, у кодификаторов конца IX в. покровительство магическим практикам ассоциировалось, в первую очередь, с представительницами «слабого» пола. В сочинениях известного проповедника рубежа X–XI вв. аббата Элфрика Эншемского также приводятся примеры женской ворожбы¹⁷. Однако четких ассоциаций между магическим искусством и женщинами в англосаксонский период еще не сложилось. Титулы судебных кодексов X–XI вв., осуждающие колдовство, редко уточняют пол провинившегося. Второй кодекс Этельстана, предписывавший смертную казнь за этот про-

ступок в случае смерти жертвы, не является исключением¹⁸. По всей видимости, наказание за колдовство у англосаксов встречалось нечасто, поскольку в документах той эпохи фигурирует всего один раз. Речь идет об уже упоминавшемся деле эйлсвортской вдовы.

Единственный англосаксонский документ, сообщающий о казни ведьмы, был составлен в правление Эдгара и представляет собой запись земельного обмена между епископом Винчестера Этельвольдом и неким Вульфстаном Уккой. Одно из поместий в Эйлсворте, ставшее предметом обмена, отец Вульфстана Элфси(г) получил после того, как его прежних владельцев мать и сына уличили в чародействе. Если верить грамоте, они использовали магические иглы и куклу с целью нанесения вреда Элфсигу. Когда вредоносные «инструменты» были обнаружены в комнате вдовы, она была схвачена и утоплена у Лондонского моста. Сын женщины успел скрыться и оказался вне закона. Эйлсвортское поместье перешло в собственность короля, который спустя некоторое время пожаловал его Элфсигу¹⁹. Одна из грамот архива Питерборо, действительно, сохранила сведения о пожаловании в 948 г. дядей Эдгара королем Эадредом трех гайд земли в Эйлсворте человеку по имени Элфсиг²⁰. При жизни прежней владелицы эти земли, видимо, являлись спорными, а конфликт разразился несколькими годами ранее.

Интересно, что в целом, рассказывая довольно лаконично о самом происшествии, документ обращает внимание на характер древних языческих практик, ставших причиной сурового приговора и конфискации собственности. Судя по покаянным книгам, использование ритуальных игл и куклы получило распространение у англосаксов еще в прежние столетия. Пенитенциалии Экберга (ок. 740 г.) предписывали за этот проступок трехлетний пост²¹. В «Канонах короля Эдгара» (начало XI в.) эта мера повторялась²².

Нам не известны все обстоятельства конфликта между Элфсигом и эйлсвортской вдовой, а в равной степени и обстоятельства судебного разбирательства. Некоторые исследователи считают предвзятым столь жесткий приговор, указывая на отсутствие в англосаксонских законодательных текстах и пенитенциалиях прямого упоминания о смертной казни за колдовство²³. Очевидно лишь, что этот проступок считался одним из наиболее тяжких, а королевские кодексы той эпохи не имели абсолютного авторитета в ходе судебного процесса²⁴.

Титулы англосаксонских судебных кодексов X–XI вв. упоминают ворожей в одном ряду с другими правонарушителями, чьи преступления, по мнению кодификаторов, имели одинаковую степень тяжести:

«Если ворожей или колдунов, тех, кто тайно замышляет смерть или *horcwenan* кто-либо

встретит в этой стране, пусть их выдворят из этой земли, или же они будут здесь полностью уничтожены, если не удалятся от беззакония и не принесут должного покаяния»²⁵.

В этом перечне обращает на себя внимание существительное женского рода *horcwenan* (ед. ч. – *horcwene*). Помимо нескольких титулов законодательства Этельреда и Кнута, составленных архиепископом Вульфстаном Йоркским, слово *horcwenan* больше нигде не появляется²⁶, что создает определенные сложности понимания его семантики. По мнению ряда исследователей, *horcwenan* относится к представительницам древнейшей профессии, которые в англосаксонских источниках также именуется *portcwenan*²⁷. Кристин Фелл считает, что судебники используют *horcwenan* в более общем значении, подразумеваемая не ремесло блудницы (*prostitution*), а распущенность (*promiscuity*), связанную с влиянием скандинавских языческих обычаев, о которых сетовал в своих проповедях Вульфстан²⁸. Согласно другому мнению, *horcwene*, имеющее скандинавские корни, следует переводить как прелюбодейка (*adulteress*)²⁹.

Этот вариант перевода достаточно спорен, если учитывать, что за супружескую неверность второй кодекс Кнута предписывал жене совершенно другое наказание. В частности, провинившаяся подвергалась публичному порицанию и обезображиванию, а мужу доставалось все ее имущество:

«И ни одна женщина, да не совершит прелюбодейства. Если при жизни мужа женщина прелюбодействует с другим мужчиной и это откроется, она навлечет на себя позор, ее законный муж получит все, чем она владела, а она лишится носа и ушей»³⁰.

Характерно, что наказание за измену мужа тот же судебник ограничивал выплатой компенсации³¹. В сознании кодификатора неверная жена не просто совершала грех, противоречащий нормам общественной морали, но нарушала «права» мужа, который считался пострадавшей стороной. Нанесение увечий, по всей видимости, имело своей целью «воспитательный» эффект и должно было удерживать других женщин от подобных проступков.

Обезображивание лица за серьезные правонарушения уголовного или морально-нравственного характера, практиковавшееся в Средневековье, получило распространение еще в Древнем Египте и Передней Азии³². Книга пророка Иезекииля упоминает это наказание применительно к блуднице Оголиве, символически изображающей отступивший от Бога Иерусалим (Иез. 23:25). При королях Эдгаре и Кнуте тяжелые телесные увечья, в том числе отсечение конечностей, ампутация носа и ступней, полагались за воровство, ограбление, принесение ложной присяги, чеканку фальшивых монет и повторное совершение тяжких преступлений³³. «Англосаксонская хроника» упоминает отсечение

носа и ушей единственный раз, применительно к событиям 1014 г., когда Кнут во время военной кампании против короля Этельреда распорядился наказать английских заложников Свейна Вилбородого³⁴.

Более ранние англосаксонские судебники о наказании женщины за прелюбодейание не сообщают, однако из актового материала известно, что оно могло включать конфискацию имущества³⁵. К. Ф. Савело связывала ужесточение брачного законодательства в поздний англосаксонский период с растущим влиянием христианской церкви³⁶. С. Холлис, напротив, объясняет эту тенденцию распространением скандинавских обычаев³⁷.

Применение телесных наказаний к женщине, совершившей прелюбодейание, находит отражение в обычном праве многих раннесредневековых обществ. Закон бургундов (конец V в.), записанный при Гундобаде, карал смертью совершивших этот проступок³⁸. Вестготская правда (VII в.) предусматривала выдачу женщины и ее соблазнителя законному мужу, которому предстояло определить их судьбу³⁹. Англосаксонский миссионер св. Уинфред Бонифаций (VIII в.), некоторое время проживший среди континентальных саксов, писал, что женщину, виновную в прелюбодейании, они проводят по деревне, обнажив до пояса, избивая палками и нанося удары ножами. Во время этой процессии каждый имеет право поглумиться над «преступницей», которую изувеченной и окровавленной заводят в каждый дом, иногда забивая до смерти⁴⁰. Сам факт того, что Бонифаций рассказывает об этом в подробностях, свидетельствует, скорее, об отсутствии, нежели о распространении подобных обычаев у него на родине.

Особое отношение раннесредневекового общества к женскому целомудию также находит отражение в титулах англосаксонских законов, регламентирующих поведение вдовы. Согласно законодательству Этельреда, лишь спустя год после смерти мужа вдова получала право вступить в новый брак⁴¹. Законы Кнута разясняют меры, которые могли последовать, если женщина связывала себя новыми супружескими узами ранее дозволенного срока. Она теряла свой утренний дар, а также все имущество, которое приобрела, живя с прежним супругом⁴². Эта мера оставалась действительной, даже если вдова выходила замуж по принуждению, за исключением тех случаев, когда она покидала нового мужа и возвращалась домой⁴³. В определенной степени эта норма свидетельствует о признании ответственности женщины за свою жизнь и безопасность.

Подводя итоги, отметим, что за немногим исключением женщина упоминается англосаксонскими кодексами как ответчица лишь в том случае, если характер преступления или меры взыскания имели гендерную специфику. Наряду с морально-нравственными проступками в этот

перечень входили отдельные уголовные преступления, например, воровство. В Англии X – начала XI в. по отношению к женщине, нарушившей закон, могли применяться такие меры, как штраф, выплата компенсации, конфискация имущества, телесные наказания, в том числе смертная казнь.

Несмотря на то что законодательство и актовый материал той эпохи не сохраняют всей полноты существовавшей правовой практики, рассмотренные титулы и грамоты являются ценными экскурсами в историю раннесредневековой повседневности и приоткрывают важные особенности восприятия женщины как субъекта права ее современниками.

В позднем англосаксонском обществе представительница «слабого» пола считалась вполне дееспособной и несла ответственность за свое поведение и поступки. Статус правонарушительницы был часто связан с ее семейным положением. Большинство женских проступков, фигурирующих в судебных документах, предполагают, что ответчица является чьей-то женой (прелюбодеяние, соучастие в краже, совершенной мужем) или вдовой (поспешное вступление в новый брак, просрочка с выплатой *heriota*).

Позднесаксонские законы о воровстве и прелюбодеянии подтверждают, что наказание за один и тот же проступок и даже способы приведения приговора в исполнение могли различаться в зависимости от пола правонарушителя. В частности, утопление, сбрасывание со скалы и сожжение на костре за воровство или колдовство, фигурирующие в правовых памятниках в отношении представительниц «слабого» пола, иллюстрируют традиционные способы казни английских женщин в X веке. Одним из наиболее тяжких преступлений в позднем англосаксонском обществе считалось прелюбодеяние, совершенное женщиной. Раннесредневековое общество по-особому относилось к женскому целомудрию. Кроме того, муж являлся господином и опекуном своей жены. А потому женская и мужская неверность воспринималась как проступки, имевшие не только различную степень тяжести, но и различный характер, что и обуславливало особую жесткость мер по отношению к провинившейся.

Примечания

- 1 См.: О положении англосаксонских женщин VII–IX вв. и об особенностях их репрезентации в законодательных памятниках того времени см.: Болдырева И. И. Положение женщины в кентском обществе VII века // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 207–219; Она же. Правовое положение женщины в Уэссексе VII–IX веков // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 182–193.
- 2 Жесткость законов Этельстана отмечает Э. Рабин (см.: Rabin A. Capital Punishment and the Anglo-Saxon Judicial Apparatus: A Maximum View? // Capital and Corporal Punishment in Anglo-Saxon England / eds. J. P. Gates, N. Marafioti. Woodbridge, 2014. P. 185–186, 188–193), а также Дж. П. Гейтс и Н. Марафиоти (см.: Gates J. P., Marafioti N. Introduction. Capital and Corporal Punishment in Anglo-Saxon England // Ibid. P. 3, 12).
- 3 «nullo modo vita dignus habeatur... sit liber, sit servus, sit comitum, sit villanorum, sit domina, sit pedissequa» (IV Aethelstan, 6 // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrgs. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. I. S. 172). Все ссылки на законы англосаксонских королей приводятся по данному изданию. Перевод англосаксонских законов на русский язык здесь и далее наш.
- 4 «Si libera mulier sit, praecepitetur de clivo vel submergatur» (IV Aethelstan, 6.4).
- 5 См.: Buckberry J. Osteological Evidence of Corporal and Capital Punishment in Later Anglo-Saxon England // Capital and Corporal Punishment... P. 131–148.
- 6 См.: Anglo-Saxon Charters / ed. by A. J. Robertson. Cambridge, 1956. № 37. P. 68–69.
- 7 «Si seruus homo sit, eant sexaginta et uiginti serui et lapident eum. Et si colpus alicui fallat ter, uerberetur et ipse ter. Tunc! quando furatus seruus mortuus fuerit, reddat unusquisque seruorum illorum tres denarius domino suo. Si serua ancilla sit et ipsa furetur alicubi preterquam domino suo et domine suae, adeant il sexaginta et uiginti ancille et afferant singule tria ligna et comburant eam unam ancillam et conferant I totidem denarios, quot serui deberent, aut uerbereatur, sicut de seruis dictum est» (IV Aethelstan, 6.5–7).
- 8 Некоторые исследователи, на наш взгляд, небезосновательно связывают эти перемены с влиянием церковных иерархов на политику правителей Англии того времени: Marafioti N. Punishing Bodies and Saving Souls: Capital and Corporal Punishment in Late Anglo-Saxon England // Haskins Society Journal. 2008. Vol. 20. P. 39–57; Rabin A. Capital Punishment and the Anglo-Saxon Judicial Apparatus. P. 190–193.
- 9 VI Aethelstan, 1.1.
- 10 «hio sceal hire ealdore hieran» (Ine, 57).
- 11 «7 butan hit under þæs wifes Cæglocan gebroht wære, si heo claene. Ac þære cægean heo sceal weardian, þæt is hyre hordern 7 hyre cyste cæge [7 hire tægan]: gyf hit under ðyssa ænigum gebroht byð, ðone bið heo scyldig. And ne mæg nan wif hire bundan forbeodan, þæt he ne mote into his cotan gelegian þæt þæt he wile» (II Cnut, 76.1).
- 12 «Gyf hy man ðonne ut of lande lædan wille on oðres ðegenes land, ðonne bið hire ræd, þæt frynd ða forword habban, þæt hire man nan woh to ne do, and gif heo gylt gewyrce, þæt hy moton beon bote hyst, gif heo næfþ, of hwam heo bête» (Be wifmannes beweddunge, 7 // Die Gesetze der Angelsachsen. S. 442).
- 13 См.: II Cnut, 73.4.
- 14 См.: Tollerton L. Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. York, 2011. P. 190–194.
- 15 См.: Cnut, 73.4.
- 16 «þa fæmnan þe gewuniaþ anfon galdorcraeftigan 7 scinlæcan 7 wiccan, ne læt þu þa libban» (Aelfred. Prol., 30).
- 17 См.: Ælfric's Lives of Saints: in 2 vols. / ed. by W. W. Skeat. L., 1881. Vol. I. P. 370–375.

- 18 «Ond we cwædon be þam wiccecræftum 7 be liblacum 7 be morðdedum, gif mon þær acweald wære, 7 he his ætsacan ne mihte, þæt he beo his feores scyldig» (II Aethelstan, 6).
- 19 Anglo-Saxon Charters / ed. by A. J. Robertson. №. 37. P. 68–69.
- 20 См.: Cartularium Saxonicum : Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History : in 3 vols. / ed. W. de Gray Birch. L., 1893. Vol. III, №. 871. P. 17–19.
- 21 См.: «Gif hwa drife stacan on cænigne man. fæste III gear... 7 gif se man for þære stacunge dead biþ. þonne fæste he VII gear...» (Pœnitentiale Ecgberti Archiepiscopi Eboracensis, IV, 17 // Ancient Laws and Institutes of England : in 2 vols / ed. B. Thorpe. L., 1840. Vol. II. P. 208.).
- 22 См.: Canons enacted under King Edgar. Modus imponendi pœnitentiam, 38 // Ibid. P. 274.
- 23 См. комментарии Эндрю Рабина, который не исключает, что обвинение было надуманным, а Элфсига интересовала земля женщины : *Rabin A.* Anglo-Saxon Women before the Law : A Student Edition of Five Old English Lawsuits // Old English Newsletter. 2008. Vol. 41. P. 43–44. По мнению Рольфа Бреммера, прибегая к магическим практикам, эйлсвортская вдова пыталась защищать свои интересы (см.: *Rolf H. B. J.* Widows in Anglo-Saxon England // Between Poverty and the Pyre : Moments in the History of Widowhood / eds. J. Bremmer, L. Bosh van den L. ; N. Y., 1995. P. 69).
- 24 Проблема соотношения буквы закона и реальной правовой практики в англосаксонский период до сих пор является дискуссионной. См.: *Rabin A.* Capital Punishment and the Anglo-Saxon Judicial Apparatus. P. 184–185 ; *Wormald P.* The Making of English Law : King Alfred to the Twelfth Century. Oxford, 1999. Vol. I. P. 264.
- 25 «Gyf wiccan oððe wigeleres, morðwyrhtan oððe horcwéonan ahwar on lande wurðon agytene, fyse hi man georne ut of ðissan earde, oððe on earde forfare hi mid ealle, buton hi geswican 7 ðe deoppor gebétan» (II Cnut 4a).
- 26 Титул 4 второго кодекса Кнута является повторением с небольшими сокращениями титула 7 шестого кодекса Этельреда (VI Aethelred, 7). В «Договоре Эдуарда и Гутрума» *horcwenan* предписано то же наказание вместе с виновными в клятвopеступлении (*mansworan*) и убийстве (*morðwyrhtan*) (Edward and Guthrum, 11). Несмотря на название, этот документ вряд ли имеет отношение к Эдуарду Старшему и был составлен лишь в начале XI в. предположительно архиепископом Йорка Вульфстаном. См.: *Whitlock D.* Wulfstan and So-Called Laws of Edward and Guthrum // English Historical Review. 1941. Vol. 56, № 221. P. 1–21 ; *idem.* Wulfstan's Authorship of Cnut's Laws // English Historical Review. 1955. Vol. 70. P. 72–85.
- 27 См.: *Colman J.* Lexicology and Medieval Prostitution // Lexis and Texts in Early English. Studies Presented to Jane Roberts / eds. Ch. J. Kay, L. M. Sylvester. Amsterdam, 2001. P. 70 ; *Richards M. P., Stanfield B. J.* Concepts of Anglo-Saxon Women in the Laws // New Readings on Women in Old English Literature / eds. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 92.
- 28 *Fell C.* Women in Anglo-Saxon England. Oxford, 1987. P. 66.
- 29 *Pons-Sanz S. M.* Norse-Derived Vocabulary in Old English Texts. Wulfstan's Works, a Case Study. Odense, 2007. P. 62.
- 30 «Ðæt nan wif heo ne forlicgge. Gyf be cwicum ceorle wif hig be oðrum were forlicge, 7 hit open wyrðe, gewyrðe heo to woruldseame syððan hyre sylfre, 7 hæbbe se rihtwere eall þæt heo age ; 7 heo ðonne ðolie ægðer ge nosu ge ða earan» (II Cnut, 53).
- 31 См.: II Cnut, 50.
- 32 См.: *Skinner P.* The Gendered Nose and its Lack. Medieval Nose-Cutting and its Modern Manifestations // Journal of Woman's History. 2014. Vol. 26. № 1. P. 45–67 ; *Webb W. J.* Corporal Punishment in the Bible. Downers Grove, Illinois, 2011. P. 103–107.
- 33 См.: II Cnut, 8.1–2 ; 30.4–5 ; 36 ; *Wormald P.* Op. cit. P. 125–127.
- 34 См.: The Anglo-Saxon Chronicle / ed. by M. Swanton. N. Y., 1998. P. 145.
- 35 Так, К. Фелл приводит два казуса, связанных с потерей имущества из-за супружеской измены. Интересно, что один из них касается представителя сильного пола – тена по имени Альфред, который лишился поместья из-за того, что оставил жену (*Fell C.* Op. cit. P. 64).
- 36 *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 137.
- 37 *Hollis S.* Anglo-Saxon Women and the Church. Woodbridge, 1992. P. 65, n. 78.
- 38 Liber Constitutionum sive Lex Gundobada, 68 // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio I. Legum Nationum Germanicarum. T. II. P. I. / ed. L. R. de Salis. Hannoverae, 1892. P. 95.
- 39 Lex Visigothorum, III, 4.1–4 // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio I. Legum Nationum Germanicarum. T. I. Hannoverae ; Lipsiae, 1902. P. 147–149.
- 40 См.: The Anglo-Saxon Missionaries in Germany / ed. C. H. Talbot. N. Y., 1954. P. 123.
- 41 V Aethelred, 21–21.1. Во втором кодексе Кнута эта норма повторялась : II Cnut, 73.
- 42 «And gif heo binnan geares fæce wer geceose, þonne þolige heo þære morgengyfe and ealra þæra æhta, þe heo þurh ærran wer hæfde ; and fon þa nehstan frynd to ðam landan and to þan æhtan, þe heo ær hæfde» (II Cnut, 73a).
- 43 II Cnut, 73.2.

Образец для цитирования:

Болдырева И. И. Женщина как правонарушительница в англосаксонском обществе X–XI веков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 445–450. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>

Cite this article as:

Boldyreva I. I. Woman as Offender in the Anglo-Saxon Society of 10th–11th Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 445–450 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>